

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВАЛИКИХ ЖЕНЩИН

*И звезды
любить умеют*

И звезды любить умеют

Елена Арсеньева

**Восхищенное дитя
(Варвара Асенкова)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Восхищенное дитя (Варвара Асенкова) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (И звезды любить умеют)

ISBN 5-699-07298-5

Они были великими актрисами, примами, звездами. Однако эти женщины играли свои роли не только на сцене, но и в жизни. В этом их сила – и их слабость, счастье и великая беда. И все же... Прожить несколько жизней – чудесный дар, которым наделены лишь единицы: Вера Холодная, Айседора Дункан, Анна Павлова... Все они любили и были любимы... Об актрисах, их счастливой и несчастной, великой и мимолетной любви читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-07298-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Арсеньева Восхищенное дитя (Варвара Асенкова)

– Матушка Пресвятая Богородица! – пробормотала стоящая позади Александра Егоровна, и Варя почувствовала, как сложенные шепотью пальцы сильно упираются ей в шею, в поясницу, потом в оба плеча.

Это маменька крестит дочку перед самой страшной минутой ее жизни. Или перед самой счастливой? Ой, теперь уж не понять!

С отчаянным полусшепотом-полувоплем: «Заступница! Помоги!» – маменька ткнула дочку в спину, и из-за кулис вылетело на сцену обворожительное создание в роскошном, многоцветном турецком костюме и пунцовой чалме.

Широко раскрытыми, ничего не видящими глазами Варя уставилась туда, где на утренней репетиции стоял Иван Иванович Сосницкий (дай ему бог здоровья, взял никому не известную девчонку, дочку своей старинной приятельницы, актрисы Александры Асенковой, на первую женскую роль в своем бенефисе), изображавший турецкого султана в комедии «Солейман II, или Две султанши», и где он должен был стоять сейчас. «Солейман» уже подал свою реплику. Теперь Варина очередь.

Боже! А что говорить-то? Дебютантка не помнит ни слова!

У Вареньки отчаянно защипало губы (чтоб ярче блестели на сцене, жена Сосницкого, Елена Яковлевна, намазала их лимоном), и вдруг слова роли вспомнились как бы сами собой. И, несмотря на то что ее отчаянно трясло, а перед глазами реял туман, голос все же зазвучал смело, даже дерзко, – словом, именно так, как того требовала роль одалиски:

– Ах! Вот, слава богу, насилу нашла человеческое лицо! Так это вы тот великий султан, у которого я имею честь быть невольницей?

Она сделала положенную по роли паузу, и тут туман перед глазами наконец-то рассеялся. Однако легче не стало. Куда там! Ужас только усугубился! Варенька сообразила, что с перепугу немного спутала направление и Сосницкий-Солейман находится не перед ней, а немного в стороне. Так что обращается Варя не к нему, а к ложе бельэтажа, которая сияла и сверкала, словно в ней собралась стая райских птиц. Это были, конечно, не птицы, а роскошно одетые дамы, но впереди, у самого барьера ложи, стоял высокий, статный мужчина в военной форме, в эполетах. У него правильные черты лица, холодноватые голубые глаза и светлые волосы, скульптурно прилегающие к красивой голове. Губы его были тронуты надменной улыбкой, брови приподняты. Похоже, он удивлялся, что невольно стал героем водевиля...

Даже в том полубреду, в каком пребывала дебютантка, чеканное лицо показалось ей знакомым. Она уже видела эти глаза, эти губы – с тем же выражением высокомерия. Видела этот открытый лоб и даже мундир с тугим воротом. Только тогда статный мужчина восседал верхом на белом коне, одной рукой держа повод, а другую заложив за борт мундира. Где же Варя могла видеть его?

Бог ты мой! Да на портрете! В Александринке в фойе висит портрет – великолепный, превосходный, вполне достойный оригинала, который теперь с холодноватой улыбкой смотрит на молоденькую актерку.

А ведь в фойе театра висит портрет государя-императора Николая Павловича...

Ну как тут не возопишь вслед за маменькой, Александрой Егоровной: Пресвятая-де Богородица, заступница, помоги! Ведь свой монолог о человеческом лице злосчастная дебютантка Варвара Асенкова обратила не к какому-то там выдуманному турецкому султану, а к вполне настоящему русскому царю!

Он все смотрел на перепуганную одалиску, и вдруг в глубине его ледяных глаз словно бы подтаяло что-то, губы дрогнули в улыбке – теплой, почти дружеской. . . Да ведь у него и правда человеческое, а не императорское, не казенное лицо!

Варю мгновенно *отпустило*. Она продолжила реплику:

– Если так, то, пожалуйста, потрудитесь, любезный мой повелитель, выгнать отсюда сию же минуту этого пугалу!

Варенька ткнула пальцем вправо, где надлежало стоять актеру Мартынову, который изображал главного зрителя султанского гарема. Ну, тот, по счастью, ничего не перепутал, реплику подал какую нужно, хотя и был напуган случившимся сверх всякой меры, и лицо его с наклеенным носом, более напоминавшим кривую саблю, а не нос, со страху пошло пятнами.

Зал, не заметивший никакой заминки, разразился хохотом. Это вывело из оцепенения и Сосницкого, и прочих, и действие пошло, покатилось, и Варя шаловливо вела роль, не споткнувшись больше ни разу, лишь изредка бросая украдкой взгляд в сторону императорской ложи. Она даже и не видела ничего, но чувствовала, что оттуда исходит теплый, согревающий свет, словно там было солнце, и от того ей становилось так легко и радостно, что она даже не заметила, как первое действие бенефиса – водевиль про султана и трех его одалисок – закончилось, занавес сомкнулся, потом вновь разъехался, и актеры вышли на аплодисменты.

Варенька кланялась, кланялась, наконец решилась и поглядела направо. Солнце светило улыбкой! Она улыбнулась ответно и едва успела увернуться, не то половинка тяжелого бархатного занавеса стукнула бы ее по голове.

Надо было срочно переодеваться для второго отделения – водевиля «Лорет, или Правда глаза колет». Это была совсем другая роль – с песенками, которые Варя пропела под гитару своим хорошеньким голоском, – и партер снова неистовствовал в криках «браво!», снова вызывал:

– Асенкова! А-сен-ко-ва!

Успех бенефиса Сосницкого был очевиден, успех дебютантки – тоже. И назавтра счастливая маменька Александра Егоровна своим хорошо поставленным актерским голосом (она ведь и сама прослужила на сцене Александринского императорского театра без малого двадцать лет!) читала вслух свежий номер газеты «Северная пчела»:

– «Репертуар этого спектакля был незавиден. . . Бенефис г. Сосницкого зато прекрасен в другом отношении. Поспешим сказать что-нибудь о предмете, для которого беремся за перо. Поздравим любителей театра с новым, редким на нашей сцене явлением. Мы хотим сказать, что день, когда девица Асенкова появилась на сцене, может остаться памятником в летописях нашего театра. . . Неожиданно улыбнулась нам Талия¹: 21 января девица Асенкова вышла на сцену – вышла и как будто сказала: «Во мне вы не ошибетесь!» Красота безотчетливая нас сильно поразить бы не могла, но такая пластически прекрасная наружность поистине встречается очень редко. В отношении к ее таланту скажем: есть предметы, которые с первого на них взгляда поселяют в себе доверенность. Это мы говорим к тому, что она не могла изобличить всех своих способностей по причине бедности ролей, ею представленных. Они не могли дать пищи таланту, но при всем при том она их разыграла превосходно, сделав их занимательными. . . Но что более всего заставляет брать в ней участие и говорить об ее достоинстве, это то эгоистическое чувство, которое она пробудила и оставила в нас, – непринужденность, счастливое изменение голоса и лица, благородство, приемы, свойственные женщинам высшего круга,

¹ Муза комедии в древнегреческой мифологии.

обещают нам в ней комическую актрису в строгом значении слова... позволим себе небольшое замечание: оргán² девицы Асенковой звучен и приятен, но грудь ее, вероятно, по молодости, еще слаба; желательно, чтобы она поберегла себя».

– Чудо, просто чудо, Варенька! – упоенно воскликнула Александра Егоровна.

Дочь словно не слышала. Со вчерашнего вечера она пребывала в таком вот блаженном, восторженном состоянии. С той самой минуты, как заведующий репертуаром труппы Зотов заглянул к ней в уборную и, с трудом управляясь с голосом, попросил выйти. Она не успела даже грим смыть – только сняла чалму, поэтому вышла тотчас, размышляя, с чего это Зотов до такой степени разволновался. И даже покачнулась – так и ударило по глазам солнечным светом.

– Варенька, скорее, скорее! – махал руками Зотов. – Его императорское величество... такая честь...

– Э, да ты по-домашнему с дебютантками! – усмехнулся Николай Павлович, похлопывая Зотова по плечу.

Император держался дружески: ведь он частенько бывал за кулисами. Ему нравилось смущать взглядами молоденьких актрисочек, и, как только появлялась хорошенькая, ему об сем непременно докладывали. Впрочем, он и без того любил театр и нынче прибыл в Александринку прежде всего ради добрейшего Ивана Иваныча Сосницкого, а не ради чего иного. Однако дебютантка оказалась премиленькой. И такая в ней непосредственность чувства, какой Николай Павлович уже сто лет при дворе не видал. Таращится на него, словно восхищенное дитя. Ей-ей, вот только не жмурится, дабы не ослепнуть!

– Я ее знал с пеленок, ваше величество, – забормотал Зотов. – Варя, да ты кланяйся, кланяйся!

Спохватившись, она нырнула в самый глубокий из всех мыслимых реверансов, однако император приподнял за подбородок ее склоненную голову:

– Вы доставили мне сегодня истинное удовольствие, какого я давно не испытывал. Хочу поблагодарить вас за это.

Ей чудилось, он не говорит, а поет, так величаво-мелодично звучал его голос. У людей таких голосов и быть-то не может. Только у небожителей!

– Ну что вы, ваше величество, – выдохнула Варенька, почти не понимая, что говорит. – Я просто старалась. Я так счастлива вашей похвалой...

– Надеюсь еще не раз наслаждаться вашей игрой, – проговорил Николай Павлович и пошел со сцены, оставив Варю в том состоянии восторженного оцепенения, в котором она пребывала и на другой день, и на третий... во веки веков, аминь.

Еще бы! Ведь назавтра после премьеры в дирекции Императорских театров появился посыльный из Зимнего дворца и вручил бархатный футляр и письмо следующего содержания:

«25 января 1835 г.

№ 434

Министр Императорского Двора, препровождая при сем к г. директору Императорских Санкт-Петербургских театров серьги бриллиантовые для подарка, Всемилостивейше пожалованного российской актрисе девице Варваре Асенковой, просит серьги сии доставить по принадлежности и о получении оных уведомить».

Слух о бриллиантовых серьгах, присланных из Зимнего дворца – от императора! – начинающей актрисульке, распространился по Петербургу с той же скоростью, с какой разнеслась бы весть о войне, пожаре, наводнении или о чуде воскрешения из мертвых. И хоть многие старинные подружки Асенковой, например, Маша, Вера и Наденька Самойловы, с которыми Варенька играла еще в детстве, почему-то вдруг отвернулись от нее, хоть насторожились и

² В описываемое время так называли голос.

другие актрисы, однако во многих она теперь вызывала особенный интерес. Вернее, не она – сама по себе, а она – девушка, актриса, удостоенная внимания императора.

Всем чудилось, что этот подарок был неким авансом, сулившим *особенные* отношения.

Ну что ж, основания для таких предположений могли быть. Ведь не зря Николая Павловича называли первым кавалером России. О да, он всю жизнь нежно любил жену, бывшую принцессу Шарлотту Прусскую, ныне императрицу Александру Федоровну, называл ее своей маленькой птичкой и делал все, чтобы ее не коснулось даже самомалейшее волнение. Довольно было тех страданий, которые она вынесла во время декабрьского мятежа 1825 года, когда только что коронованный император и его жена на всякий случай простились друг с другом, не будучи уверенны, что доживут до завтрашнего дня³. С тех пор прелестное лицо Александры Федоровны нервно передергивалось, она беспрестанно болела, да еще врачи запретили ей иметь детей. Это означало фактическую разлуку супругов, и хоть Николай Павлович проводил ночи в ее опочивальне, спали они врозь: она – на императорской постели, он – на походной солдатской кровати. Однако император оставался мужчиной, в описываемое время ему было тридцать девять лет. Он был молод, силен, красив, обворожителен с женщинами, они не давали ему проходу, да и он не пренебрегал ими... И все-таки в любовных отношениях его влекло не только плотское.

Случается, что люди, которые находятся в состоянии постоянного физического, нервного и интеллектуального напряжения (трудно быть императором – с этим нельзя не согласиться!), отдых для тела обретают в постельных играх, а для души – в отношениях сугубо платонических. Выражаясь проще, каждому, самому отъявленному поборнику телесных страстей приятно думать, что существует на свете некая Прекрасная Дама, существует идеальный образ, от одного воспоминания о котором сладко сожмется и затрепещет сердце. Она не принадлежит обожающему ее мужчине, но при этом она не принадлежит и другому! И как же сладостно защищать и оберегать ее: не искушать возможностью иных отношений, смирять себя ради нее, жертвовать ей всем, чем можно, умиляясь при этом ее невинностью... и собственным благородством.

Восхищение красотой и талантом Варвары Асенковой – еще не все чувства, которые двигали Николаем Павловичем, когда он послал ей пресловутые бриллиантовые серьги. Он хотел отблагодарить юную актрису за тот детский восторг, который светился в ее глазах – чудных синих глазах. Таким выражением когда-то пленила его принцесса Шарлотта, а потом – любовь и привязанность всей его жизни, Варвара Нелидова. Две женщины, которым он был сердцем предан до конца дней своих, хотя физически изменял беспрестанно. Темперамент и душа этого мужчины были не в ладах!

Однако он научился смирять себя, когда было нужно, и ограничился подарком серег. Но, быть может, пожелал гораздо большего при взгляде на юную, прелестную, черноволосую и синеглазую актрису. Сделав Варю своей любовницей, он удовлетворил бы мимолетное желание, но разрушил бы ее судьбу. А она была таким невинным ребенком! Он прекрасно понимал это, а обижать детей не любил.

Однако не раз и не два было сказано, что благими намерениями вымощена дорога в ад...

Человек так уж создан, что не может не воспринимать себя центром мироздания. И если Николай Павлович полагал себя солнцем, которое имеет полное право обогреть или не обогреть кого-то из своих подданных, то и Варя в свою очередь была убеждена, что это солнце восходит на небеса исключительно ради нее. Ей было довольно один раз увидеть благосклонность в ясных голубых глазах императора, услышать слова одобрения и получить драгоценный подарок, чтобы проникнуться чувством собственной исключительности.

³ Эта история описана в книге Е. Арсеньевой «Браки совершаются на небесах».

Ей было восемнадцать лет, и всю жизнь она провела в мире, имеющем очень косвенное отношение к реальности. Ведь маменька ее была актриса, Варя выросла при театре, выдуманные страсти были для нее правдивее истинных. И хоть сначала все знатоки хором уверяли: в семье не без урода, мать-Асенкова не передала ни грана своего дарования дочери, девочка напрочь бездарна! – Варя все же стала актрисой. Надо было на что-то жить, она попробовала убедить Сосницкого в своих актерских возможностях... Результат оказался поистине ослепительный! Позднее Варя не без кокетства скажет:

– Я пошла в театр, как замуж за нелюбимого, но богатого человека... Но на мне оправдалась поговорка: «Стерпится – слюбится». Очень скоро я страстно полюбила театр.

Очень скоро, о да! Как только встретила *его* взгляд и поверила... Бог весть, во что она там поверила, однако в выдуманном мире, в котором она жила, Золушки сплошь и рядом выходили замуж за принцев. В том выдуманном мире не имело никакого значения, что Золушка – незаконнорожденная (а Варя Асенкова была незаконнорожденной: ее отец, полковник Николай Кашкаров, был предан суду и сослан на Кавказ за связи с тайными обществами еще при Александре I, хотя, очень может быть, и даже без этого вряд ли он женился бы на Александре Егоровне: ведь они прожили вместе четыре года, а о браке даже разговора не шло!). Короче говоря, Золушка влюбилась в принца, актриса влюбилась в императора, а мечты могут завести влюбленную девушку так далеко, что дальше некуда!

Ослепительный успех окрылял ее, но залогом этого успеха стала любовь – та самая, что, по словам поэта, движет солнце и светила.

Между тем в жизни реальной, а не выдуманной, с «девицей Асенковой» был заключен годовой контракт с жалованьем в три тысячи рублей в год. И сразу началась безумная работа. Наступала Масленица: время развлечений для жителей Петербурга и самой что ни на есть напряженной работы для тех, кому предстояло оные развлечения обеспечить, в том числе – для актеров. Спектакли шли трижды в день – утром, днем, вечером, да еще это были три разные пьесы. К тому же Варя выступала и в концертах вместе с известными актерами Каратыгиными.

Для начала, вдобавок к пьесам своего дебюта, она стала играть Агнессу в «Школе жен» Мольера, Керубино в «Свадьбе Фигаро», Евгению Гранде в одноименной драматической переделке новеллы Бальзака. Но главное для нее были водевили, которые в театре ставились один за другим.

Жанр этот был в ту пору моден необычайно и вызывал восторг публики. Смесь насмешки и сатиры, сильных и пустеньких страстей, музыки, куплетов, танцев и острот привлекала зрителей, однако заставляла трагических и драматических актеров и любителей более серьезного жанра сетовать о падении вкусов и нравов.

Не без того, конечно: водевиль не блистал ни содержанием, ни качеством стиха, ни серьезностью постановки. Но такова уж природа человека, что ему всегда больше по нраву беззаботное веселье, чем горькие переживания или напряженная работа мысли.

Смысл слов и качество стихосложения в водевильных куплетах особенной роли не играли. Успехом своим пьески Кони, Ленского, Каратыгина, Григорьева были обязаны прежде всего ослепительному обаянию молоденькой актрисы, внезапно заблиставшей на русской сцене.

Играть в водевилях, желая снискать любовь публики, пытались многие, но это было не так просто, как чудилось на первый взгляд. Следовало сочетать в себе талант трагика и комика, певца и танцора, уметь находить удовольствие в тех незамысловатых репликах, которые произносишь, – и придавать им значимость. Этими талантами Варвара Асенкова владела поистине блестяще. Играть в водевиле было для нее так же естественно, как жить. Нет, еще естественней! Она была и в жизни, и на сцене правда что дитя – этакая шалунья, очаровательная в каждом слове, в каждой импровизации, в каждом движении. Самые простенькие куплеты в ее исполнении вызывали просто-таки экстатический восторг у зрителя, особенно если сопро-

вождались бесподобными кокетливыми ужимками, взглядами и беззастенчивым показом очаровательных ножек.

Это ей приходилось делать тем более часто, что в водевилях сплошь да рядом встречались роли с переодеваниями, а то просто роли молодых военных, охотно поручавшиеся Асенковой – с ее более чем стройной фигурой и ногами, которые были воистину чудом совершенства. Особенно популярны были водевили с переодеваниями «Девушка-гусар», «Гусарская стоянка, или Плата той же монетой». И когда она выходила на сцену в тугом коротком мундирчике и в лосинах, обтянувших прелестные ножки и восхитительную попку, зал бился в овациях еще прежде, чем она начинала выпевать своим чудным голоском забавные куплетики:

Как военные все странны!
Вот народ-то пресмешной!
Так и бредят беспрестанно
Только службой фрунтовой!
И чтоб с ней не расставаться,
То хотят нас приучить
По команде в них влюбляться
И по форме их любить!

Прелестный юнкер Лелев в «Гусарской стоянке» вскружил голову множеству гвардейцев – от корнета до генерал-майора включительно. И даже выше. Как-то за кулисы к Вареньке пришел великий князь Михаил Павлович. Щелкнул каблуками, подмигнул:

– По пьесе юнкер – шалун и повеса. Я таких не жалею. Но к Лелеву я был бы снисходителен.

И опять подмигнул. Кругом засмеялись: великий князь и сам был большой шалун и повеса, весь в старшего брата...

Варенька тарасилась на Михаила Павловича, а думала о его брате. Они так похожи и в то же время разные. Старший – солнце, а младший – просто яркий светильник.

Похоже, Михаил Павлович был польщен тем пристальным вниманием, с которым хорошенькая актрисочка его разглядывала. Ужиная спустя некоторое время у старшего брата (на лето двор перебрался в Петергоф), он рассказывал, как был в Александринке, какая милая особа Асенкова и какая она, чувствуется по ее взглядам, ласковая девушка...

Михаил Павлович, несмотря на репутацию, был малый предобрый, а главное, от всего сердца любил жену свою, великую княгиню Елену. Супруги вообще жили душа в душу, однако порою Михаилу Павловичу очень хотелось поддразнить свою спокойную, уравновешенную супругу, ну, вот он и молот языком что ни попадя про «ласковых девиц». Великая княгиня слушала вполуха, потому что знала: случись у мужа серьезная связь, которая затронет его сердце, он о ней ни словом не обмолвится. А если болтает, стало быть, все это так, незначащие шуточки. Посему она только лукаво посмотрела на мужа, который в свою очередь соорудил ей гримасу. И никто из них не заметил легкой тени, которая скользнула по лицу Николая Павловича...

Между тем имя новой звезды водевиля мигом облетело Петербург. И среди молодых чиновников, офицеров, дворян началось просто-таки повальное сумасшествие: все повлюблялись в Асенкову.

Талант сделал ее популярной. Подарок государя сделал ее модной.

Результат не замедлил сказаться.

Поклонники бегали за Варей по пятам, подкарауливали у артистического подъезда, подстерегали казенную зеленую карету, в которой актрис и актеров развозили по домам после окончания спектакля, а потом толпились у подъезда ее дома возле Аничкова моста (там же

жили писатели Григорьев, Кони и семья актеров Каратыгиных). Нет слов – все это радовало Варю, счастливую от того, что столько народу восхищено ее игрой. Однако очень скоро она поняла, что поклонникам мало всего лишь крикнуть ей комплимент и поднести цветы (в ту пору еще не принято было бросать букеты на сцену – иначе «девица Асенкова» каждый вечер стояла бы засыпанная ими по пояс!). Пылким кавалерам нужно дотронуться до руки, желательно – пожать ее, а еще лучше – поцеловать. И ручка – это еще ничего! Самое милое дело – сорвать поцелуй с губок актрисы. Причем когда Варя однажды отвесила пощечину дерзкому повесе за такую дерзость, тот был возмущен без всякой меры и ответил грубым ругательством. Несколько оскорбленных молодых людей бросились на него, затеялась драка...

Варя шмыгнула в зеленую карету вне себя от обиды: как он смел? Разве она дала повод? Неужто ее приветливые, благодарные улыбки восторженным зрителям могут быть превратно истолкованы?! Немало времени пройдет, пока она догадается: фривольность ролей, в которых она выходила, выбегала, выпархивала, выскакивала на сцену, вольность ее поведения перед огнями рампы, рискованные реплики, которые она бросала, смелые позы, которые она принимала, – все это, конечно, работало на ее славу артистки, но отнюдь не на ее репутацию добродетельной девицы.

Как-то раз, уже за полночь, после спектакля, она выходила из кареты около дома, и вдруг из темноты метнулась мужская фигура. Чьи-то руки стиснули Вареньку в объятиях, она увидела рядом безумные, огненные глаза, почувствовала чье-то жаркое дыхание и гортанный шепот:

– Моя будэш! Я говорыл!

Нечто тяжелое, мохнатое свалилось на нее. Шуба, что ли? Потом ее куда-то поволокли.

Первым чувством было возмущение: лето на дворе, а тут – шуба! Дышать нечем!

Потом Варя испугалась. Начала рваться, визжать.

На ее счастье, зеленая карета еще недалеко отъехала. Кучер услышал крики Вари, оглянулся и увидел человека в мундире, который пытался взвалить на нервно пляшущую лошадь какой-то мохнатый, орущий, бьющийся сверток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.